

Истукан

Краски можно было выкинуть. И кто их только назвал оптимистично «Солнышком»? Красивые с виду, с добавлением палитры из нескольких неоновых оттенков, несколько дней назад они сами запросились быть купленными. Пока Тоня собралась с рисунком, пока придумала сюжет, чтобы попробовать броские тона на акварельной бумаге с антресоли, новенькие и нераскрытые краски на тумбочке радовали глаз.

А радоваться Тоне было необходимо. Находить Чему и Как - задача, поставленная врачом Тониным близким - была вовсе непроста. Попробуйте рассмешить несмеяну. Или добиться улыбки у человека, чье сознание полностью перегружено мыслями о величине вероятности излечения, да еще, когда он сам в это верит с натяжкой? У Гриши тоже плоховато получалось искать радостные поводы для жены: седьмой месяц лечения со всеми вытекающими опасениями висели в воздухе их квартиры. Заботы о сыне, перекочевавшие на его сторону, круговерть домашних хлопот «привези-увези-покорми-выучи-уложи-уберись» да еще «порадуй как-нибудь» давили непривычным и далеким от приятности грузом. Поэтому, когда супруга попросила купить краски, Гриша с минутным облегчением понятной и выполнимой задачи, забрав Даньку из продленки, поехал покупать краски.

Магазин для художников мог порадовать кого угодно. Пастели, акварели, масло, баночки, дощечки, этюдники всех цветов и наворотов, тюбики, кисти, бумажки-промокашки... Отец с сыном, два слона, большой и маленький, стояли посреди «посудной» арт-лавки, не зная с чего начать, и что за краски им вообще нужны. – Па, может, позвоним маме, какие она хотела? - Данька бродил от витрины к витрине, к неудовольствию продавщиц водил пальцами по стеклу витрин. – Может, эти? Или эти? А сколько у нас денег есть? - Вопросы сына звучали на весь магазин испытывающе звонко, хотя и не находили ответа у отца. Григорий посмотрел на часы: скорее всего она спит после вечернего укола. обойдемся без звонка, пусть отдыхает. Очередной упрек самому себе всплыл вопросом в голове: что ему еще надо сделать? Кому молиться и куда еще бежать, чтобы она выздоровела? На минуту частые в последние недели мысли сковали красиво одетого высокого мужчину. А сын уже тряс рукав пальто. – Па, может, эти? Смотри, они «Солнышко» называются. Ну, что ты как истукан задумчивый, Папа! - Гриша очнулся. Его собственное любимое выражение про истукана прозвучало от сына по-детски взросло и в лоб доходчиво. Повернувшись к продавщице, Гриша вежливо улыбнулся: «Уже не истукан, берем эти, как их там, «Солнечные».

Тоня положила картон с укрепленной бумагой на колени, подняла вторую подушку под плечи и стала разводить в кюветках краски, стоящие рядом с кроватью на табуретке. Детские воспоминания-навыки не подкачали. Разводить насыщенный тон до состояния легкой вуали желаемого оттенка руки не разучились. Ей захотелось сделать акварельную иллюстрацию к Данькиным любимым «минипутам» для первой пробы отёкших пальцев. Полутвердого карандаша дома не оказалось, и набросок, сделанный вчера, найденным в пенале сына мягким карандашом, не очень ей самой нравился. - Ничего, сейчас выправим цветом. - По Тониной задумке, первым слоем пойдет подложка: сложный цвет с наложением одного за другим после высыхания. - Жаль, кистей хороших нет - что нашли в старой коробке из шкафа, тем и придется работать. – Тоня вздохнула. - Ну, поехали. – Мазок, еще другой. Размытая в кювете краска не ложилась. Под кистью происходило понятное, но не радостное: вместо равномерного и легкого слоя с листа на Тоню нагло смотрели урывистые пятна-кляксы. Еще по художке они все знали: на заводе при изготовлении переложили в краску глицерина или меда, таким составом не рисуют. Тоня тихо заплакала. – Почему сегодня, почему именно ей достались эти бракованные краски? Почему Гриша купил именно эти, а не другие, хорошие? Она не помнит, говорила ли ему, какие хочет... Обида на всё и всех подступила к горлу, ей захотелось поломать упаковку с красками, разорвать испорченный лист её любимой когда-то «флоры». На секунды уважение к материалам пересилило. Тоня взяла жесткую кисть, немного развела одной и той же кистью несколько цветов и начала накладывать их на бумагу, мазок за мазком, краску на краску. Если бы кто-нибудь заглянул в окно спальни в эти пару часов, то ему бы пришлось лицезреть молодую бледную особу, не отрывающую головы и кисти от листа, с долей исступления и отрешенности портящей бумагу мазнёй. Если задачей было использовать всю имеющуюся в упаковке карминовую, английскую краску и сиену вместе с сажой, то «рисующей» это, похоже, удалось.

Вечером Григорий нашел жену в непривычно возбужденном состоянии, пытающуюся навести порядок в спальне и на все вопросы отвечающую одним словом: «Там». «Там» - это был лежащий на полу рисунок. Вернее, непросохший лист желтой акварельной бумаги. То, что на нем было нарисовано, рисунком назвать было сложно, а скорее, даже неуместно. С листа на Григория смотрела огромная буро-черная рваная воронка, бурлящая тоской, болью, злорадной усмешкой и проскальзывающими нотками высокомерия. После того, как Тоня наотрез отказалась что-либо объяснять, сказав, что краски надо выкинуть, а в руки рисунок брать нельзя, Гриша решил утром съездить к врачу.

Генрих Куртович возвращался с обхода. От педантичного и корректного, с седой коротко подстриженной бородкой, доктора даже издали в коридоре отделения веяло спокойствием и приглушенной интеллигентностью. Когда уверенность берет корни в чистоте помыслов и верности служению, Вы это заметите, поверьте. И возможно, станете ей доверять. Как Григорий, которому в голову пришла только одна мысль после вчерашнего, показать уважаемому доктору Тонино «творение». Что он и сделал сразу же после приветственных слов и вместо ответа на вопрос: «Как у вас там дела?»

Генрих Куртович одел очки и минуты две с расстояния вглядывался в рисунок. – Вот она у неё какая, значит. - Очки переключались в верхний карман халата. – Ну что мне Вам сказать, голубчик, Григорий Александрович. Мне думается Вы прошли экватор, чему, премного рад. Думаю, мы скоро это и в анализах Антонины Петровны увидим. - Толком не взяв, о чем говорит доктор, Гриша позволил себе переспросить у доктора объяснение, что все-таки случилось с женой вчера, и откуда и зачем случился этот нервный выпад непонятного искусства.

- Григорий Александрович, сказать я Вам, конечно, смогу, но Вам придется поверить мне на слово. Уж, не обессудьте, тут мои слова анализами не подтвердишь. Я в своей практике несколько раз встречался с подобными, так сказать, «портретами». Это Тонечкина болезнь. И если Антонина Петровна её увидела и смогла положить на бумагу, выздоровление - не загорами. Вы бы зашли к моему коллеге по части душевных дел, он Вам подскажет, как лучше с рисунком поступить. Может порезать на мелкие кусочки и выкинуть в помойное ведро, или Тоне захочется пепел высыпать из окна, это мы с Вами за неё не предугадаем... И да, еще. Доктор плечом уже был в ординаторской. – Я бы на Вашем месте отблагодарил того, кто ей никудашные краски купил...

Григорий стоял без шапки под пасмурным ноябрьским небом. Небо и весь мир на его плечах истукана стали ощутимо легче. Еще не невесомыми, но и не давящими как раньше. Рисунок лежал на заднем сидении машины. Еще совсем недавно державший его в руках человек не испытывал больше к нему ни ненависти, ни злости. Скорее обрывки благодарности мелькали в его коротких взглядах на сиденье сзади. Гриша посчитал деньги в портмоне. На хорошие ролики Даньке хватит, а вот в цветочном кредитные карточки пока принимают редко. Надо будет остановиться где-нибудь - снять денег по дороге.